

Источники и литература

1. Гроф С. Психология будущего: Уроки современных исследований сознания. – М.: АСТ, 2001. – 476 с.
2. Уилбер К. Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. – М.: АСТ, 2002. – 476 с.
3. Фейдимен Дж., Фрейгер Р. Абрахам Маслоу и психология самоактуализации // Гуманистическая и трансперсональная психология. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Гусаченко В.В.**КОСМОПОЛИТИЗМ – ПОСТМОДЕРН – “ВТОРОЙ МОДЕРН”**

Что находится за пределами постмодерна? Модерн. Только второй, а не первый. В данной статье мы хотим сравнить в общих чертах *понимание постмодерна и Второго модерна* в одной из последних работ У. Бека [1], чтобы в дальнейшем исследовать их подробнее и, в заключение, дать оценку. Актуальность этого вопроса обусловлена потребностью в дальнейшем развитии теории (пост)современного общества и попыткой прогнозирования признаков, которые позволяли бы говорить о его сущностном (или, по крайней мере, качественном) изменении.

Трудно поверить, но существует точка зрения, согласно которой нынешний космополитизм (глобализация) представляет собой осознанный и добровольный (часто даже элитарный) выбор. У. Бек считает, что «космополитическое становление действительности осуществляется также или даже скорее как вынужденный выбор или как побочное следствие неосознанных решений. Выбор: становиться или оставаться «иностранцем», «чужим» или нет – чаще всего происходит не добровольно, а является следствием нужды, бегством от политического преследования или попыткой не умереть с голоду» [ibid., s. 32]. Сплошь и рядом космополитизация выступает побочным следствием мировой торговли и глобальных опасностей (катаклизмов, терроризма, финансовых кризисов и т.д.). В любом случае «моё бытие, моё тело, моя собственная жизнь становятся частью другого мира, чужих культур, религий, историй и глобальных рисков взаимозависимости без моего ведома и определённого желания» [ibid.]. Космополитизация претворяется в жизнь, подобно “невидимой руке рынка” и “хитрости разума”. “Банальный” космополитизм, например, внедряется в продолжающие существовать национальные пространства латентно, буднично, неаккуратно, сомнительно – одним словом, банально. Может быть, это и создаёт впечатление, что неосознанные или полуосознанные социальные процессы (часто даже не движения) не могут существенно изменить (изнутри) национально-государственный мир.

Неразбериха космополитических процессов порождает своего рода замкнутый круг: все их участники выступают жертвами друг друга. Чаще всего, конечно, кто-либо ощущает себя или является жертвой США, Запада, капитализма, неолиберализма и т. д. Даже, скажем, Париж может выражать недовольство доминанцией Америки. Но как обстоят дела с самой Америкой? Причём с “белой” Америкой? Понятно, что этнические меньшинства вынуждены постоянно отстаивать свои права против белых – прежде всего англо-саксонских протестантов, в руках которых покоится власть. Но именно мужественные белые англо-саксонские протестанты переходят к террору (например, взрыв бомбы в Оклахома-сити), потому что убеждены, что среди других они являются... самым ослабленным и высмеянным меньшинством, и потому решают положить конец глобализации “*вашей Америки!*” Таким образом, чужим в собственной стране (“изгнанными из родины”) может чувствовать себя большинство населения этой страны. Такую пассивную космополитизацию, при которой с нами нечто случается, происходит, У. Бек называет деформированной.

Что же должен представлять собой недеформированный космополитизм (У. Бек даже модифицирует термин, меняя окончание: *–изм* вместо *–ция*)? “Недеформированный космополитизм возникает, *напротив* (подч. В.Г.), из ощущения себя частью цивилизаторского эксперимента человечества – из участия в нём вместе со своим собственным языком и символами своей культуры, собственными действиями по отражению глобальных опасностей, следовательно, из внесения вклада в мировую культуру” [ibid., s. 34–35]. Это понимание космополитизма находится в прямой связи с пониманием Канта, для которого космополитизм стоял в действительном залоге, представлял собой задачу приводить в порядок мир.

Интерес представляет, с *одной стороны*, сопоставление космополитизма и Второго модерна в том плане, какой новый свет проливает, может быть, концепция первого на концепцию в(В)торого (ведь “космополитический взгляд” является “ключевым понятием и ключевой темой рефлексивного Второго модерна” [ibid., s. 35]), а в “Обществе риска” рефлексия последнего была охарактеризована прежде всего со стороны его взаимоотношения с первым модерном, который по сути представлял собой переходный период от феодализма ко Второму, *формальное* подчинение своих предпосылок, *реальное* подчинение которых составляет Второй модерн). С *другой стороны*, немаловажно сравнить постмодерн и Второй модерн – так ли велики окажутся различия между ними?

У. Бек отмечает, что в рамках “космополитического взгляда” даже следует пользоваться, иногда увлечённо, иногда сатирически, различными стилями, символами и понятиями, взятыми из прежних исторических культур и адаптированными к масс-медиа. Приветствуется общая культурная пластичность. Тем не менее, постмодерн и космополитизм (не космополитизация, равная глобализации!) оказываются разными порядками. Множественность постмодерна на поверку оборачивается универсальной гомогенностью неразберихи социальных и культурных фрагментов (Multikulti –Beliebigkeit). Не так страшно, что постмодерн корыстно использует фрагменты прошлого в целях своего обновления. Главное, что он *не может найти своё место в истории*, «изменить тот факт, что культуры и нации исторически специфичны и целостны, а значит, и территориально закреплены. Между тем, эту целостность нужно разрушить, чтобы стала возможна глобальная культура: «Когда коллективная память (национальная культурная память – В. Г.) является центральной для идентично-

сти, тогда мы не можем сформировать никакой глобальной идентичности, которая только – только возникает, никакого стремления к этому, никакой коллективной амнистии существующих «глубоких» культур, чтобы заменить их космополитической «плоской» культурой» [ibid., s. 48]. Последняя является мечтой немногих интеллектуалов, но у подавляющей массы людей не вызывает воодушевления.

Не знает постмодерн, согласно У. Беку, и подлинной дружости. Постмодерный “другой” – всегда один и тот же – немец, француз, украинец, и находится всё время “там же” – в Германии, во Франции, на... pardon – в Украине. Настоящая дружость могла бы представлять собой только делёзовский (не бодрийеровский) симулякр, «номадическую сингулярность», процесс самого себя. Личность здесь тоже исключается, поскольку она также обладает идентичностью. Впрочем, с тем, что это не постмодернизм, трудно соглашаться: ведь данные определения принадлежат Ж. Делёзу, а он – «постмодернист».

Посмотрим, как ещё определяет У. Бек космополитизм. Последний «предполагает, между прочим, интернациональные отношения, но одновременно трансформирует их, открывая и вновь проводя границы, преодолевая отношения «Мы и Другие» или меняя их полюса и, таким образом, в конце концов» [ibid., s. 53] по – своему “перефразирует отношения государства, политики и нации” [ibid.]. Не имеем ли мы здесь дела с пресловутой “деконструкцией бинарных оппозиций” и “детерриториализацией – ретерриториализацией”? А здесь: ““Космополитический взгляд” [...] развивает не только понимание глобальной взаимозависимости, но и того, каким образом она влияет на национальное государство. Расплавляются ли, укрепляются ли, денационализируются ли, ренационализируются или транснационализируются риски и кризисы национальных государств в рамках глобальных взаимозависимостей – является открытым эмпирическим вопросом, на который можно и нужно отвечать различно в зависимости от различных констелляций” [ibid., s. 53 –54]. Помимо только что упомянутых признаков постмодерна, в данном фрагменте просматриваются и трансгрессии модерна (деконструкции национальной государственности), в чём в своё время усматривали сущность постмодерна мы [2]. И, пожалуй, только при таком его понимании возможно провести его различие со Вторым модерном, – в противном случае они сливаются. Но тогда что же собой представляет Второй модерн? Для разрешения этого вопроса, очевидно, ключевую роль играет проблема национальной государственности.

Структурно Первый модерн и представлял собой систему национальных государств. Постмодерн – деконструкция национальной государственности (и наций, и государств) и в этом смысле – трансгрессии (Первого) модерна. Нации и государства редуцированы (ограниченный суверенитет, прозрачные границы и т. д.), но существуют. Отличным примером трансгрессии, редукции, деконструкции и т. д. может послужить мораль. Сегодня её нарушают на каждом шагу, но не забывают и не отвергают *принципиально*. Итак, в постмодерне нация и государство существуют относительно. По логике вещей, во Втором модерне они перестают существовать абсолютно. И что же будет? Очевидно, не только “номадическая сингулярность”, но и номадическая институциональность. *Любые* социальные институты столь же легко подвергаются устранению и реконструкции, как и их продукция. ““Движение науки и техники”, ход научно –технической революции не просто могут, но и должны казаться хаосом, в котором преобладают срывы преемственности и скачки явно иррационального толка” [3, с. 107]. Что делать, если европейский (Первого модерна. – В. Г.) способ мысли превратился в смирительную рубашку? [там же, с. 184].

Ответственный (неснятый) выбор становится “мгновенной”, постоянной (а не “навечно” сделанной) характеристикой человеческой деятельности. Позиция М. Петрова является позицией чистого становления (не трансгрессии), поскольку становление (которое, несомненно, включает в себя какой-то момент стабильности, не только изменения), тем не менее, не может содержать в себе ничего, имеющего характер постоянства (пребывания, “присутствия”, бытия, субъекта), – хотя бы даже и деконструируемого. Трансгрессиям же это свойственно. При постмодерне совершается *переход* от одной стабильной формы (государства, нации, морали и т. д.) к другой, относительно которой мы ничего не можем сказать, кроме того, что она когда-то наступит. Пока же все новые формы эфемерны. Характер “эфемерид” удачно описывает Э. Тоффлер: “Когда авиационная корпорация “Локхид” добилась успеха в подписании [...] контракта, связанного со строительством 58 гигантских военных транспортных самолётов С –5А, то для этой цели специально была создана новая организация в 11 000 человек. [...] ... Для производства более чем 120 000 отдельных деталей, необходимых для каждого из этих гигантских самолётов, потребовалось участие 6 000 различных компаний. Проектная организация локхидовской корпорации, созданной для этой цели, имеет свою собственную администрацию и сложную внутреннюю структуру. [...]

... вся эта внушительная организация [...] имела запланированный срок жизни пять лет. То, что мы видим на этом примере, – не что иное, как создание организационной структуры с ограниченным сроком использования – что-то вроде бумажного платья или одноразового полотенца” [4, с. 153]. Можно вспомнить и “неотрайбы” М. Маффесоли – социальность, формируемую на основе доброй воли индивидов, её участников, и по доброй же воле ликвидируемую [5].

Впрочем, нация и государственность могут продолжать своё существование и во Втором модерне, но уже совершенно наравне, скажем, с каким-нибудь концерном. Сейчас этого ещё нет, они продолжают сохранять некоторые субъектные (основополагающие) качества и претензии (например, объявление и прекращение войны, законодательную функцию и т.д.).

Таким образом, можно сделать вывод, что Второй модерн У. Бека сохраняет рациональность, диапазон которой простирается между стихийностью, сопряжённой с глобальными рисками, и сознательным участием всех культур в строительстве мировой культуры, которое начинается с совместных действий по ликвидации глобальных опасностей. Определённый минимум рациональности (сознательности) присутствует и в стихийности. Он может в будущем нарастать, но пока, тем не менее, не предвидится общий план действий всех на-

ций и культур по созданию некоей глобальной системы или хотя бы по полному решению какой-либо глобальной проблемы.

Источники и литература

1. Beck U. Der kosmopolitische Blick oder: Krieg ist Frieden. – Frankfurt am Main, 2004.
2. Гусаченко В. Трансгрессии модерна. – Харьков, 2002.
3. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. – М. 2001.
5. Maffesoli M. Jeux de mas – ques Design issues, vol. IV (1988), nos, 1,2. P. 141 ff.

Ерофеева К.Л.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И АТРИБУТИВНЫЕ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА

Задача изучения информационной цивилизации – одна из наиболее актуальных и вместе с тем сложных задач современного научного познания. Как известно, постижение новых тенденций в социальной реальности сопряжено с особыми сложностями. Кроме того, современное общество содержит в себе невиданное ранее количество новаций и демонстрирует качественно новый уровень сложности связей и отношений. Тем настойчивее стремятся понять суть и специфику информационного общества отечественные и зарубежные исследователи – философы, социологи, культурологи, экономисты. Для философского осмысления проблемы необходимо выяснить, насколько современный тип цивилизации, обозначаемый чаще всего термином «информационное общество», отвечает потребностям реализации родовой человеческой сущности. *Практическая деятельность, сознание, социальность* традиционно понимаются как основные атрибутивные свойства родового человека. Поэтому целесообразно подробнее остановиться на анализе их специфики в условиях современной информационной цивилизации.

Практическая деятельность в своем высшем и наиболее полном проявлении есть деятельность творческая. Прежде всего рассмотрим собственно компьютерное творчество, то есть тот специфический вид творческой деятельности, который порожден информационным обществом и в то же время определяет собой этот тип организации социума. Выступая как подвид научно-технического творчества, оно обладает вместе с тем принципиальным, качественным отличием от других его подвидов и форм. Оно преследует, помимо всех прочих, цель создания аналога человеческому интеллекту. Вне зависимости от результата, то есть от того, удастся ли создать такой аналог в достаточно полном объеме функций сознания, процесс решения этой творческой задачи с необходимостью влечет за собой новый уровень самопознания человека. Таким образом, информационное общество впервые за всю историю человечества породило инструмент, позволяющий ему осуществить самопознание, ибо понять основные принципы функционирования сознания для человека во многом, а возможно и в главном, равносильно познанию собственной сущности. Второй научный способ самопознания человека, доступный уже сегодня информационной цивилизации, – это способ, предоставленный достижениями молекулярной биологии. Расшифровка человеческого генома позволяет осуществлять трансцензус вглубь собственной психофизической организации, распространять на нее практическую активность. Информационное общество с полным правом может так называться, кроме всего прочего, потому, что касается фундаментальных проблем человеческого бытия, определяющих сущность человека. Достижения молекулярной биологии, как и прочие научно –практические достижения эпохи НТР, были бы технически невозможны без соответствующего компьютерного обеспечения. В этом отношении понятие «информационное общество» можно рассматривать как синоним понятию «кибернетическая цивилизация».

На уровне общественного бытия широких масс людей практическая деятельность под влиянием компьютеризации различных сфер труда и быта также претерпела существенные изменения. Если техника прошлых эпох представляла собой дополнение и продолжение физической мощи человека, то компьютерная техника по преимуществу продолжает и восполняет его ментальные способности. Сюда относятся расширение объема памяти, всевозможные вычислительные операции и т. п. С одной стороны, это создает возможность сокращения объема монотонных, рутинных процедур в процессе труда, а с другой – способствует угасанию соответствующих способностей и навыков. Однако в целом более существенной для развития индивида и значимой для общества оказывается первая из названных тенденций. Проблема, порожденная второй из этих тенденций, вполне разрешима. Утраченные в процессе пользования компьютером навыки у взрослого человека при необходимости восстанавливаются. У детей же их следует формировать в процессе школьного воспитания на соответствующем возрастном этапе. Разумеется, возможности, предоставляемые компьютером, это всего лишь потенциал, который зачастую актуально не используется либо используется неполно и односторонне. Например, имея мощный, хорошо оснащенный компьютер, индивид нередко использует его только для игр, либо только в своей узкой профессиональной сфере. Здесь уместно провести аналогию с самим человеческим сознанием. Его гигантские возможности мы в массе своей тоже используем весьма неполно. В целом же с помощью таких действенных социальных стимулов, как соображения престижа и мода, люди информационной цивилизации проявляют интерес к освоению все новых возможностей компьютера, а значит – и к творчеству, совершенствованию своего сознания.

Другое атрибутивное свойство человека – *сознание* приобретает существенное своеобразие в каждую эпоху. Способы мыслительного и образного освоения мира, как известно, зависят также от особенностей локальной культуры, от специфических условий природного и социального бытия субъекта. Поэтому появление компьютерного информационного мира с необходимостью также порождает свои особенности. Во –первых,